

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 355.01(476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-135-148>

Поступила в редакцию 17.01.2022
Received 17.01.2022

В. А. Ксенофонов

Военная академия Республики Беларусь, Минск, Беларусь

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПАДНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВОЕННОГО НАСИЛИЯ

Аннотация. Состояние военно-политической обстановки вокруг Беларуси характеризуется динамичностью негативных процессов. Отмечены факторы, показывающие высокую степень военной активности геополитических центров силы. Вероятность применения военной силы и других невоенных мер в отношении государства обязывает нас к непрерывному анализу технологий военного насилия. Выявлена закономерная тенденция насилия – смена парадигм войны с классической на неклассическую. Облик современных военных конфликтов охватывает все сферы общественной жизни. Продемонстрированы основные особенности военной политики США после окончания «холодной войны». Рассмотрена американская классификация государств мира, по которой США выстраивают отношения в интересах геополитического доминирования. Ими применяются технологии неклассической войны, в которой значительная роль отводится информационным, политическим, дипломатическим, идеологическим, экономическим и другим ресурсам подчинения противоположной стороны своей воле. Рассмотрены основные концепции неклассической войны и их особенности. Особое внимание обращено на гибридную войну. В военных конфликтах важнейшее место отводится «информационным войнам». Современный этап характеризуется как концентрическая война. Выявлены признаки перехода от «ментальной войны» к «ноосферной войне», когда разум направлен на деструкцию и подчинение воли целых государств в эгоистических целях воле «мирового лидера». Западные стратеги активно используют технологию «серой зоны», балансирующей между войной и миром. Сделан вывод, что в современном военном насилии существенная роль отводится концепциям неклассической войны. С учетом возрастания военного насилия в мире важно определить приоритетный характер военной сферы национальной безопасности.

Ключевые слова: Беларусь, Союзное государство, военно-политическая обстановка, военное насилие, национальная безопасность, военный конфликт, неклассическая война, гибридная война, концентрическая война, военная организация государства

Для цитирования: Ксенофонов, В. А. Современные западные концепции военного насилия / В. А. Ксенофонов // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 135–148. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-135-148>

Vladislav A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

MODERN WESTERN CONCEPTS OF MILITARY VIOLENCE

Abstract. The state of the military and political situation around Belarus is characterized by the dynamism of negative processes. Factors showing a high degree of military activity of geopolitical centers of power have been noted. The probability of using military force and other non-military measures against the state obliges us to continuously analyze the technologies of military violence. A regular trend of violence is revealed – the change of war paradigms from classical to non-classical. The face of modern military conflicts encompasses all spheres of social life. The main features of U. S. military policy after the end of the “cold war” are demonstrated. The American classification of the states of the world, according to which the U. S. builds relationships in the interests of geopolitical dominance, is considered. They use the technology of non-classical warfare, in which a significant role is given to information, political, diplomatic, ideological, economic and other resources of subordination of the opposite side to its will. The basic concepts of non-classical warfare and their characteristics are considered. Particular attention is paid to hybrid warfare. In military conflicts the most important place is given to information wars. The modern stage is characterized as conscientious warfare. Signs of the transition from “mental warfare” to “noosphere war” are revealed, when the mind is aimed at the destruction and subordination of the will of entire states for egoistic purposes to the will of the “world leader”. Western strategists actively use the technology of “gray zone” balancing between war and peace.

It is concluded that the concepts of non-classical warfare play a significant role in modern military violence. Given the increase in military violence in the world, it is important to prioritize the military sphere of national security.

Keywords: Belarus, Union state, politico-military situation, military violence, national security, military conflict, non-classical war, hybrid war, conscientious warfare, military organization of the state

For citation: Ksenofontov V. A. Modern western concepts of military violence. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 135–148 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-135-148>

Введение. Состояние военно-политической обстановки вокруг Беларуси характеризуется постоянным нарастанием интенсивности и динамичности негативных процессов, связанных с использованием различных форм давления и насильственных действий в отношении республики.

В мире обострилась борьба государств (коалиций государств) за лидирующие позиции, контроль над рынками и сырьевыми ресурсами. Стремление геополитических центров силы к расширению зон своего стратегического влияния привело к ущемлению и блокированию интересов других государств, провоцированию напряженности. Это способствовало усилению межгосударственных противоречий, нарастанию как внутренних, так и внешних военных опасностей, способных трансформироваться в военные угрозы государству и военные конфликты различной интенсивности.

Закономерно, что в утвержденной Военной доктрине Союзного государства отмечается, что «военно-политическая обстановка, складывающаяся вокруг Союзного государства, характеризуется возрастанием негативных процессов в сфере глобальной и региональной безопасности, обусловленных как геополитическим соперничеством между ведущими мировыми державами, так и столкновением интересов отдельных государств (коалиций государств)» [1, ст. 6].

Среди основных негативных факторов, которые влияют на состояние и развитие военно-политической обстановки, отмечают:

высокая активность процессов в экономической и политической сферах, которые сопровождают формирование полицентрической международной системы отношений;

попытки изменения ценностных ориентиров и моделей развития, дискредитации культур, религий и цивилизаций, фальсификации истории, способствующие нарушению духовно-нравственных связей родственных народов;

противодействие со стороны некоторых международных организаций, иностранных государств развитию Союзного государства, ОДКБ, а также других интеграционных образований на международной арене с участием Республики Беларусь и Российской Федерации;

наличие вблизи границы государств-участников очагов военных конфликтов;

наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора на внешней границе Союзного государства;

применение военной силы в нарушение действующих норм международного права, обуславливающее дестабилизацию международной обстановки;

применение в военных конфликтах военной силы в сочетании с политической, финансово-экономической, информационной и другими формами борьбы;

обострение социальных противоречий в Европейском регионе [1, ст. 7].

Перечисленные выше негативные факторы свидетельствуют о дисбалансе существующей системы обеспечения глобальной и региональной безопасности. Они показывают высокую степень военной активности геополитических центров силы и их готовность прибегнуть к военно-силовому сценарию для продвижения своих интересов. Это в свою очередь требует постоянного мониторинга военно-политической обстановки и на этой основе «гибкой и адекватной корректировки военной политики» [1, ст. 7].

Следовательно, вероятность применения военной силы в комплексе с другими деструктивными мерами в отношении государства обязывает нас осуществлять непрерывный анализ возможных форм насильственных действий, а также методов и технологий использования военного насилия. Решение данной научно-практической задачи будет способствовать принятию обоснованных мер в области национальной безопасности, а также своевременному уточнению параметров военной сферы.

Основная часть. Развитие архитектуры многополярного мироустройства наряду с активизацией интеграционных процессов и становлением новых геополитических центров силы сопровождается усилением национального, этнического и религиозного экстремизма, сепаратизма, ведущих к появлению негосударственных субъектов, включая террористические и экстремистские организации, что существенно затрудняет прогнозирование и понимание возможных сценариев развития конфликтов, в том числе и военных.

Вместе с тем это жизненно необходимо для мирного развития государства. К военному насилию мы относим различные варианты использования военной силы для достижения политических целей агрессора. Основными формами военного насилия могут быть военный конфликт и война.

Рассмотрим эти базовые понятия. Так, под *военным конфликтом* понимается «форма разрешения противоречий в межгосударственных или внутригосударственных отношениях с применением военной силы противостоящими сторонами» [1, ст. 5]. А *война* трактуется как «социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения политических, экономических, идеологических, национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами с применением военной силы противостоящими сторонами» [1, ст. 5].

В современных условиях наметилась тенденция эволюции военных конфликтов в «направлении превращения войны как процесса массовой вооруженной борьбы во всеохватывающее противоборство воюющих сторон» [2, с. 15]. Изменяется баланс между вооруженной борьбой и невоенными действиями сторон. Вооруженная борьба может выполнять разные роли: от главной (определяющей) до второстепенной (страховочной), или вспомогательной.

На эту тенденцию еще в 2003 г. обратил внимание, будучи министром обороны, Л. С. Мальцев. Он был первым в Беларуси, кто, рассматривая войну в широком спектре форм борьбы, дал определение сущности войны: «Сегодня сущность войны – это продолжение политики средствами духовного, политического, экономического и других видов подавления и уничтожения противника, где вооруженная борьба не только не имеет определяющего, первостепенного значения, но может быть исключена вообще» [3, с. 38].

В тот период достаточно сложно воспринималось такое определение войны, поскольку сущностными элементами войны являются *политика* и *вооруженная борьба*. И если уходит из содержания войны вооруженная борьба, то мы имеем дело уже не с войной, а иным явлением. Подчеркнем, что, несмотря на споры экспертов о трансформации войны, сущность ее не изменилась – это политика. Таким образом, доктор политических наук Л. С. Мальцев, не отрицая роли и значения военной силы, увидел существенное возрастание роли и значения невоенных средств в достижении цели противоборства и аргументированно это обосновал.

Сегодня ученые нашли выход из этой противоречивой ситуации: минимизация использования военной силы и нарастание роли невоенных средств в военном конфликте свидетельствуют о *закономерной тенденции противоборства* – смене парадигм войны от классической к неклассической.

В *классической* парадигме войны признается определяющая роль вооруженной борьбы, а в *неклассической* – значительная роль отводится невоенным средствам противоборства, при этом роль применения военной силы становится вспомогательной. Кстати, данные тенденции отражены в идеологии обеспечения военной безопасности Беларуси, России и Союзного государства, т. е. роль невоенных средств в войне четко зафиксирована в действующих Военных доктринах. Это отражено в самой категории «война».

Развитие многих конфликтов современности подтверждает тезис о том, что война как общественное явление активно трансформируется, ее оружием являются не только современная техника и вооружение, она ведется различным инструментарием (оружием): экономическим, политическим, духовным, социальным. Кроме того, в условиях геополитического противоборства прослеживается тенденция стирания грани между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а их ведение не укладывается в привычные схемы и шаблоны.

Разделяем мнение военного эксперта А. А. Бартоша о том, что «широкое распространение получили асимметричные действия, к которым относится использование сил специальных операций, частных военных компаний и внутренней оппозиции для создания постоянно действующего

фронта на всей территории противостоящего государства, а также информационное воздействие, формы и способы которого постоянно совершенствуются» [2, с. 15]. По сути, формируется новый облик военных конфликтов современности, охватывающий все сферы общественной жизни людей: административно-политическую, финансово-экономическую, культурно-мировоззренческую.

В период после окончания «холодной войны» США и НАТО стремятся взять на себя функции единственного поборника обеспечения стратегической стабильности, «оставляя за скобками» многочисленные ее нарушения: решение о расширении НАТО, агрессию против Югославии, наращивание военной активности блока у границ России, вмешательства с использованием военной силы во многих районах мира. С момента своего создания США вмешивались в дела 50 стран свыше 130 раз. Подобное «лидерство» в решающей степени обуславливает агрессивный характер стратегий НАТО [4, с. 46].

Подчеркнем, что в современных условиях военная политика США является важным фактором, определяющим состояние международной системы обеспечения безопасности как на глобальном, так и региональном уровнях.

Действующая американская стратегия подтверждает курс на обеспечение неоспоримого лидерства страны в качестве военной и экономической сверхдержавы, а также на обеспечение свободы действий на международной арене и беспрепятственного доступа в наиболее важные регионы в целях реализации своих национальных интересов. Установки на превентивные действия и возврат к концепции «победы в двух крупных войнах одновременно» характеризуют военную политику и внешнеполитическую деятельность как наступательные [4, с. 66].

В рамках современной военной стратегии военно-политическое руководство США считает возможным три вида конфликтов:

межгосударственные конфликты с широкомасштабным использованием военной силы и современных военных технологий в различных сферах для решительного поражения противника. Могут применяться ОМУ, системы предотвращения доступа, системы глобального удара, подводные платформы, современные киберсистемы, системы борьбы в космосе;

гибридные конфликты, сочетающие обычные и иррегулярные силы, перехват инициативы и подавление воли противника. Могут включать одновременное использование традиционных военных и асимметричных систем. Считается, что «гибридные конфликты» обычно усиливают неопределенность и двойственность, усложняют принятие решений и замедляют взаимодействие, направленное на осуществление эффективных ответных действий. Поскольку агрессор в этих случаях обладает указанными преимуществами, велика вероятность, что такая форма конфликта сохранится надолго;

негосударственные конфликты, в которых используются небольшие подразделения и сети для дестабилизации правительств и установления контроля над населением. Могут применяться самодельные взрывные устройства, легкое стрелковое оружие, пропаганда и террор [4, с. 73].

Важными особенностями внешнеполитического сознания США выступают упрощенное восприятие внешнего мира и деление народов и государств планеты на «своих» и «врагов». Идеология в данном случае достаточно примитивна, поскольку США выступают воплощением «вселенского добра», а противоположная сторона – «всеобщего зла». Следует напомнить, что СССР трактовался, как «империя зла». Критерием деления государств на «хорошие и плохие» обусловлена приверженность сформулированным американцами ценностям демократии и рыночной экономики, которые, по их мнению, способны сами по себе сыграть роль стабилизирующего фактора в международных отношениях. Безусловно, эталонной моделью являются США [4, с. 81].

Кроме того, Институт национальных стратегических исследований при Пентагоне разработал классификацию государств мира по четырем критериям в зависимости от уровня развития и стабильности демократической системы: «стержневые», «переходные», «государства-изгои» и «несостоявшиеся государства».

Администрация США, исходя из соответствия данной классификации, определяет стратегии в отношении тех или иных государств мира. Диапазон отношений достаточно широкий – от союзнических и партнерских отношений до крайне враждебных, вплоть до применения мер насилия в политической, экономической, информационной, военной и других сферах.

«Стержневые» – это те государства, которые имеют развитую демократию и рыночную экономику, тесно сотрудничают с США и приемлют американское лидерство. В начале XXI в. Вашингтонская администрация к такому типу государств причисляла всю Западную Европу, Японию, Южную Корею, Тайвань, Израиль, Турцию.

«Переходными», по их мнению, являются те государства, которые встали на «правильный путь» демократизации и свободной экономики и движутся вперед. Это страны Восточной Европы, Юго-Восточной Азии (Сингапур, Таиланд, Малайзия); Ближнего Востока (Египет, Иордания, Кувейт). Считается, что в Африке, Латинской Америке и ряде государств СНГ движение в сторону «стержневой» зоны лишь начинается.

Особое место в стратегии США отводится трем крупнейшим государствам (Китаю, Индии и России), которые также считаются «переходными». При этом весьма сдержанно оцениваются перспективы присоединения Китая и России к «стержневой зоне», поскольку обе страны противостоят американскому влиянию в мире. В 2017 г. Советом национальной безопасности США Россия и Китай отнесены к главным угрозам безопасности США. Для присоединения этих и некоторых других государств к американской зоне влияния Вашингтон использует экономическое, политическое и идеологическое воздействие, а при необходимости не останавливается и перед попытками оказать силовое давление. На координированном применении разнообразных форм и методов воздействия на государство-мишень построена американская стратегия гибридной войны, которую ведут США против России [4, с. 82].

В списке «государств-изгоев» в начале XXI в. фигурировали Югославия, Ирак, Ливия, КНДР, Судан, Нигерия и некоторые другие страны. Политическая стратегия США в отношении «плохих» государств предусматривала широкий спектр действий по подчинению данных стран воле Вашингтона, что подразумевало действовать самостоятельно, без санкции ООН, используя все средства – от экономического и политического давления вплоть до военного насилия. Так, американо-натовская агрессия в 1999 г. положила конец существованию Югославии, в 2003 г. был разрушен Ирак, превратившийся в хаотизированное пространство. Впоследствии подобная участь ожидала Ливию и Сирию.

«Несостоявшимся» государствам США в принципе готовы помогать, но в первую очередь тем, которые имеют важное значение для интересов «стержневой зоны». Сегодня список таких государств возглавляют Украина, Молдавия, некоторые Балканские страны.

Можно утверждать, что Вашингтон формирует своеобразную матрицу государств, отношения с которыми выстраиваются в зависимости от степени приближения той или иной страны к самопровозглашенному американцами «идеалу» в виде политической системы самих США и образцовой американской демократии [4, с. 83].

Эксперт А. А. Бартош отмечает: «Ссылаясь на несоответствие России провозглашенным демократическим стандартам, США и НАТО открыто объявили нашу страну одним из главных источников угроз международному сообществу и на русофобской конфронтационной основе пытаются выстраивать политику взаимоотношений» [4, с. 83].

Следует напомнить, что Запад не отказался от своих амбиций: концепция геополитической оси истории и овладения «сердцем Земли» в активной реализации (Х. Маккиндер), а «шахматная партия» по овладению Евразией (З. Бжезинский) приобретает новые инструменты и технологии ее контроля.

В сложившихся условиях наряду с наращиванием военных угроз для расшатывания внутренней обстановки против России и дружественных ей государств активно используются современные гибридные технологии, ведется подготовка и осуществляется реализация сценариев «цветных революций», проводятся целенаправленные деструктивные мероприятия по подрыву внутреннего единства государств, активно сотрудничающих с Россией (постсоветское пространство), а также мероприятия по дестабилизации самой России.

Исходя из тенденций военно-политической обстановки, внутренних социально-политических процессов и событий в ряде постсоветских стран, существуют все основания прогнозирования попыток США и ряда государств Запада с опорой на силовую поддержку НАТО дестабилизировать не только внутрисоциальное пространство, но и системно, деструктивно воздей-

ствовать на социально-политическую ситуацию в Союзном государстве и других интеграционных объединениях с участием России.

Как было отмечено ранее, в современных условиях наметилась тенденция трансформации содержания войны с переходом от классической (традиционной) к неклассической (нетрадиционной). Известно, что в межгосударственном противоборстве активно используются различные способы и формы насильственных действий в отношении суверенных государств, не вписывающихся в парадигму классической войны. Акцентируем внимание на том, что сущность войны при этом не меняется, а ее содержание, технологии, инструментарий и оружие воздействия на противоположную сторону для достижения политических целей постоянно модифицируются, комбинируются и гибридизируются. Явно просматривается тенденция, при которой *вооруженное насилие* – не единственное средство воздействия на противника, значительное место отводится информационным, политическим, дипломатическим, идеологическим, экономическим и другим ресурсам подчинения противоположной стороны своей воле [5]. Этот переход аналитики именуют неклассической парадигмой войны.

Рассмотрим феномен *неклассической, или нетрадиционной (новой) войны* на основе современных научных разработок. Существенный методологический потенциал содержится в монографии профессора И. В. Понкина, который выделяет концепты преэмптивной, гибридной и малой войны, а также концепт «постправды» в неклассической войне и технологию «мягкой силы» как инструмент разрушения государства [6].

Указанный автор применительно к межгосударственным и международным отношениям, сферам государственной внешней политики, сферам государственных переворотов, войн и военных конфликтов пишет, что *преэмпция* – «это концепт (подход, метод) и мотив (оправдание и объяснение) самостоятельных активных прекурсивно-упреждающих и опережающих действий в отношении антагониста (котрагента, противника, жертвы, цели) – объекта приложения таких действий» [6, с. 10]. Преэмпция «предполагает не столько превентивность (как, например, превенцию агрессивных действий противника), сколько упреждение и пресечение сколько-нибудь эффективных возможностей (государства-объекта, государства-жертвы) в будущем защищаться от запланированных агрессивных в отношении него действий со стороны государства-актора» [6, с. 11].

Концепция «преэмптивной войны» имеет давнюю историю, ее истоки берут начало от так называемого дела Каролины – пограничного инцидента с участием США и Канады в 1837 г. [6, с. 13]. В XXI в. концепция «преэмптивной войны» часто употребляется в связи с так называемой доктриной Буша, предоставляющей «право» на преэмптивные военные действия не для всех государств, а только для США. В отличие от превентивного нападения, когда угроза нападения противника реальна и неизбежна и когда реализуется стремление нанести удар первым, а не вторым, преэмптивное нападение имеет в своей основе мотивирование и обоснование существенно более отложенной и неявной (или вообще мнимой) угрозы, стремление развязать войну раньше через упреждение возможной в будущем реализации этой отложенной или ожидаемо возникающей угрозы [6, с. 14].

Выделяются также и преэмптивные действия, которые заключаются в организации и осуществлении государством-актором государственного переворота в государстве-жертве.

Согласно Н. А. Комлевой, понятие «технология преэмптивной войны включает три этапа: 1) смена режима; 2) строительство нации; 3) реновация страны» [6, с. 15]. Эта война не ограничивается военным насилием и предполагает масштабное использование невоенных методов насилия (экономическое, политическое, идеологическое) по отношению к государствам и их объединениям.

Одним из факторов, которые могут привести к развитию преэмптивной войны, по мнению экспертов, является переоценка военного потенциала противника, т. е. восприятие надвигающегося сильного сдвига в балансе могущества в пользу противника. Ошибочное восприятие потенциала противника мотивирует к преэмптивному нападению. Появляется уверенность в том, что чем скорее совершить нападение, тем выше шансы на победу. Мотив к нападению может быть обоснован не только стратегическими преимуществами, но и тактическими. Существенным фактором для осуществления преэмптивных действий являются вражда и страх между государствами.

Согласимся с выводом доктора юридических наук, профессора И. В. Понкина: «Преэмптивные действия всегда асимметричны, неадекватны и безнравственны. Применительно к межгосудар-

ственным и международным отношениям, сфере государственных переворотов, войн и военных конфликтов преземпция (в отличие от превенции) является крайне безнравственным и опасным концептом (подходом, методом), поскольку нередко преземптивные действия совершенно неадекватны угрозам, позиционируемым в качестве основания и обоснования применения преземптивных действий» [6, с. 18]. Мы полагаем, что, исходя из тенденций развития военно-политической обстановки и усиления фактора насилия в мировой политике, подобные действия в перспективе будут реализовываться во всем мире и их использование будет только нарастать со стороны США и НАТО.

В современных международных отношениях активно используется насилие в виде гибридной агрессии. Первое упоминание концепции «гибридной войны» в области военно-политических отношений принадлежит американским теоретикам Д. Н. Мэттису и Ф. Г. Хоффману, которые в своих работах в 2005–2007 гг. сформулировали первоначальные теоретические подходы к данному феномену. По мнению экс-министра обороны США Д. Мэттиса, «гибридные войны сочетают в себе ряд различных режимов ведения войны, включая применение традиционных, нестандартных (нетрадиционных) тактик и негосударственных (нерегулярных) военизированных формирований, организацию террористических актов с использованием неизбирательного насилия и принуждения, а также криминальных беспорядков» [2, с. 47]. Гибридные действия активно внедряются США и странами НАТО в практику международных отношений. Во многом это определяется тем, что гибридные действия не попадают под определение агрессии.

До сих пор в научном сообществе нет однозначного определения данного термина. По мнению И. В. Понкина, *гибридная война* – это «концепт (идеология, логика, философия, а равно соответствующие стратегия, тактика и форма) агрессивных враждебных действий государства-актора (преимущественно без классического открытого применения военной силы, без военного вторжения, хотя и, возможно, с сохранением и артикулированием военной угрозы), направленных на подавление, ослабление, дестабилизацию и/или уничтожение государства-жертвы, перехват управления (перевод под внешнее управление) или создание временного безвластия в нем, разрушение его суверенитета и публичного порядка, нанесение ему существенного урона в живой силе, экологии, военно-промышленном или культурно-мировоззренческом потенциале, в духовном состоянии людских ресурсов и т. д.» [6, с. 26].

Безусловно, любая война из известных истории была комбинированной, сочетая классические военные действия с комплексом подрывных операций, заказных убийств политических лидеров и военачальников, террористическими актами, пропагандой и дезинформацией, массовой ложью. Стоит напомнить, что *война – это путь обмана* (К. Клаузевиц).

Гибридная же агрессия во многом является войной неявной, тайной и неклассической, так как военная сила может быть исключена вообще или быть страховочным элементом системного деструктивного воздействия на противоположную сторону. Поэтому стоит разграничивать понятия классической и гибридной войны.

Указанный автор, характеризуя концепт гибридной войны, выделяет:

неявность агрессии (интервенции, нападения), преимущественно ее тайный характер (с обеспечением возможностей правдоподобного отрицания своей вовлеченности в конфликт, своего участия в его развязывании, провоцировании или стимулировании);

многофазность и темпоральную неравномерность агрессии (включает фазы затухания, новой активизации и т. д.);

мультимодальность (ведется разными способами), многовариантность, полиноансную и сложную интерсекциональную комбинаторность подходов в скоординированном сочетании весьма разнообразных сил и средств агрессии, направляемых на достижение таких целей и обеспечивающих синергетические и кумулятивные эффекты (гибридные войны сегодня интегрируют мощности и возможности кибернетических, юридических войн, информационных войн, дипломатических, торговых и финансово-экономических войн; сегодня фиксируется тенденция повышения доминирования кибернетических и юридических войн, а информационные войны все больше становятся средством их обеспечения);

спектральность (существенную многовариантность) одновременно или разнесенно по времени, параллельно или последовательно ставящихся многопорядковых и высококоординированных целей, характеризующих динамическим многообразием в рамках конкурирующих сценариев;

преимущественно презэмптивность, массивную дерзость и ложь (дезинформацию, в том числе ложную экстрапунитивность, т. е. перекладывание вины на других), гипертрофированную наглость (отражаемую понятием «щупца» в одном из его семантических значений);

выраженную динамическую асимметричность и антизотропность в структурах фронтов агрессии; полипространственность и многовекторность (в разных сферах, на разных уровнях, по разным направлениям);

полисубъектность (реализуется как государствами, так и различными негосударственными акторами) и применение децентрализованных полицентрических (мультиузловых, в том числе сетевых) структур [6, с. 27].

Гибридность войны может иметь место по разным основаниям – пространственному, инструментальному, субъектно-объектному, телеологическому, а также по характеру угроз [6, с. 26].

Гибридная агрессия сегодня наиболее привлекательна и активно используется западными стратегами в отношении суверенных государств. Ее привлекательность заключается в следующем:

достаточно сложно достоверно установить источник (актора, заказчика) агрессивных действий, поэтому такие действия предпринимаются в ситуациях, когда открытые военные действия исключаются в силу ряда обстоятельств (например, риск прямого ответного массивного военного удара на гибридную агрессию);

инструменты гибридной войны могут быть использованы как государствами, так и негосударственными субъектами, что усложняет четко идентифицировать агрессора;

особенности гибридной войны позволяют заказчику (агрессору) отрицать свою вовлеченность в конфликт, предоставляя возможность остаться безнаказанным, а также затрудняет пути привлечения актора к ответственности и применение ответных мер государством-жертвой, против которого ведется гибридная война, или его союзниками;

государству-жертве достаточно сложно прогнозировать последующие действия актора в рамках гибридной агрессии и защищаться от них [6, с. 28].

Анализируя современное противоборство, военный аналитик А. А. Бартош пишет: «Гибридная война построена на сочетании различных технологий силового и несилового противостояния – военного, экономического, информационного, которые используются для военного поражения противника и его капитуляции. Такая особенность гибридной войны превращает ее в новый вид межгосударственного противоборства» [2, с. 42].

Важными инструментами гибридной войны выступают гибридные угрозы и цветные революции. *Цветные революции* – это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственного создания политической нестабильности [2, с. 60; 7]. *Гибридные угрозы* – это скоординированные и синхронизированные действия, которые преднамеренно нацелены на системные уязвимости государств и институтов посредством широкого диапазона средств давления в политико-административной, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой и военной сферах с акцентом на информационно-коммуникационную и кибернетическую сферу [2, с. 60].

Разделяем позицию ученого А. А. Бартоша, отмечающего, что *война смыслов* – это стержень гибридной агрессии, «главная цель которой состоит в обеспечении последовательного планомерного установления контроля над всеми сторонами жизни государства – объекта гибридной агрессии и прежде всего над менталитетом его населения» [2, с. 61]. Также согласимся с тем, что феномен гибридной войны демонстрирует новые измерения, выводящие ее «за пределы существующей системы отсчета и обеспечивающей прорыв к новому качеству конфликта». Этот переход вписывается в философский концепт «трансгрессия» [2, с. 62].

Критически к термину «гибридная война» относится профессор Н. Е. Бузин, полагая нецелесообразным введение его в научный оборот. Рассматривая данный феномен, он пишет, что «это смесь войны и мира. По своей сути это ведение военных действий без объявления войны, без

введения особых правовых режимов» [8, с. 3]. Им обосновывается положение о том, что это «специальные действия, которые включают в себя все компоненты «гибридной войны» [8, с. 5].

Гибридная агрессия, по нашему мнению, это своеобразная трансформация преземптивной войны, когда сильная и агрессивная сторона, основываясь на психологическом доминировании, а точнее на страхе возможного увеличения совокупного потенциала противоположной стороны, применяет комплексное (системное) насилие для достижения своих целей без всяких правовых и моральных оснований.

Нельзя недооценивать потенциал и феномен гибридных войн, поскольку именно гибридная война разрушила Российскую империю, а позже и СССР. Утверждения по поводу их самоликвидации не имеют научных оснований. По нашему убеждению, гибридная агрессия является инструментом геополитического контроля и управления пространством с подчинением противоположной стороны собственной воле. Безусловно, это закрытая (тайная) геополитическая «игра» (борьба) с четко обозначенными целями по управлению большими и малыми пространствами. Такая «игра» под силу только государствам-лидерам глобального или, в крайнем случае, регионального масштаба.

Отметим, что гибридная война – это результат диалектического отрицания предшествующих стратегий и, по сути, новый способ (формула или технология) выиграть войну, т. е. добиться политических целей менее затратно экономически и более скрытно военно-политически. Разрушительное же воздействие гибридной войны достигается за счет кумулятивного эффекта от сочетания инструментов гибридной агрессии. Поскольку за гибридной войной будущее, необходимо системно обеспечивать государственный «иммунитет» к таким воздействиям, основываясь на эффективном государственном управлении, которое должно быть устойчиво к подобным угрозам.

В интересах безопасного будущего стоит внимательно проанализировать фундаментальное и историческое исследование гибридной войны через призму геополитики в отношении России, которое провел профессор И. Н. Панарин в своей книге «Гибридная война: теория и практика» [9].

Что касается малой войны, то это «штатный инструментарий» военной политики США, которые за последние 117 лет провели 69 военных кампаний практически во всех уголках планеты, а также Великобритании (из существовавших на 2012 г. стран только 22 не испытали на себе вторжения или иных форм агрессии с ее стороны) [6, с. 37].

По мнению американских специалистов, малая война «включает в себя реализацию широкого спектра военных операций в конфликтах с участием государств или нетрадиционных участников, характеризующуюся сочетанием физического насилия и несиловых форм воздействия, требующую комплексного применения дипломатических, информационных, экономических и военных средств» [6, с. 41].

Очень часто термин «малая война» используется в разном смысловом контексте. Единого подхода среди теоретиков и практиков нет. В малых войнах противники могут быть самыми разными и методы их противоборства могут сильно отличаться, поскольку являются в основном асимметричными. Итак, *малая война* – это «реализуемые регулярными войсковыми подразделениями и соединениями государств и/или иррегулярными (в том числе частными военными компаниями) подразделениями (аффилированными с государствами или нет) и/или террористическими организациями нерегулярные боевые действия (в том числе диверсионного типа) в рамках асимметричного военного конфликта относительно малой интенсивности или существенной интенсивности, но при условии локализации в пределах малой территории (тетра военных действий, преимущественно без определенных линий фронта) и/или в форме всплесков боевой активности в течение коротких периодов времени (возможно, в пределах одного дня, но не разовая военная стычка)» [6, с. 42]. Одной из основных причин проведения малых войн является получение доступа к энергоресурсам, чистой питьевой воде, продовольствию, что оказывает влияние на основные тенденции их проведения [6, с. 50].

Политический или дипломатический контекст военного конфликта, а не объемы используемых ресурсов определяет, является этот конфликт малой или большой войной [6, с. 48]. По мнению экспертов, малые войны будут активно использоваться в будущем.

В международных отношениях в рамках международного гуманитарного права сложнее использовать жесткую военную силу. Поэтому для достижения своих стратегических целей агрессор может использовать «мягкую силу». Несмотря на объемность определения, достаточно четко определена сущность данного насилия в методологическом подходе доктора юридических наук, профессора И. В. Понкина: «*Мягкая сила* как инструментальная система представляет собой совокупность институциональных, проектно-идеологических, международно-правовых, организационных, финансовых, информационно-пропагандистских, разведывательных и других механизмов проектирования, алгоритмизации, реализации, обеспечения и контроля процессов дисфункционализации и избирательного или тотального разрушения другого суверенного государства (государства-объекта) в целях трансформации этого государства в дисфункциональное, несостоятельное («упавшее»), полного его уничтожения в границах бывшей территории либо принудительной его трансформации в субмиссивные формы с существенно редуцированным или полностью утраченным суверенитетом, а также для достижения иных целей в интересах государства-актора» [6, с. 61].

Практику применения «мягкой силы» в зависимости от целей ее реализации, содержания и направленности применяемых технологий можно условно разделить на два типа:

1) «мягкая сила» как средство продвижения государством своих национальных интересов за рубежом или на международной арене без сопряжения с прямыми агрессивными разрушительными действиями в отношении других суверенных государств, угрозами их стабильности и их публичным порядкам;

2) «мягкая сила» как средство дестабилизации и дисфункционализации государственного управления и государства в целом, неконституционной смены власти, нанесения максимально возможного (вплоть до необратимого тотального) ущерба публичному порядку государства, разрушения государства, превращения государства в дисфункциональное или несостоятельное [6, с. 55].

Вместе с «мягкой силой» активно используется технология «*умной силы*». Это своеобразное сочетание «жесткой» и «мягкой» сил – в контексте международных отношений наиболее приемлемый механизм обеспечения государством собственной национальной безопасности. Использование в отношении государства технологии «мягкой силы» может интерпретироваться как проведение в отношении государства-объекта необъявленной войны (преэмптивной войны).

В современном насилии активно используется технология *постправды*: «Это парадигма искусственного впадения в правдивую информацию заведомо ложных сведений (прямых инвектив или сведений, призванных обосновать либо подкрепить другие инвективы), интерференционно интегрируемых в разных степенях кодирования коммуникативных сигналов, в обработке с помощью различных методов манипулирования сознанием и восприятием адресата» [6, с. 83]. Необходимо отметить, что это тип коммуникации, включающий ложь в наиболее циничных формах, связанных с идеологически мотивированным отрицанием неопровержимых фактов.

Закономерно, что анализ военно-политической обстановки вокруг Союзного государства фиксирует один из негативных факторов: «попытки изменения ценностных ориентиров и моделей развития, дискредитации культур, религий и цивилизаций, фальсификации истории, способствующие нарушению духовно-нравственных связей родственных народов» [1, ст. 7]. Яркий пример – трансформация Западом постсоветской Украины.

Указанные выше формы насилия в обозримом будущем будут активно использоваться в международных отношениях. В интересах обороны они требуют комплексной подготовки не только военно-силового блока, но и всей системы безопасности и государственного организма.

Отметим также, что в современном противоборстве важнейшее место отводится *информационным войнам*. Это важнейший элемент современного насилия и общая черта современных военных конфликтов. В Военной доктрине Союзного государства отмечается «определяющее значение информационной сферы в противоборстве на всех стадиях развития военного конфликта и после завершения его активной фазы» [1, ст. 9].

Известный эксперт в сфере информационной войны профессор А. В. Манойло отмечает, что «информационная война – это вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия» [10, с. 75].

Она состоит из последовательности информационных операций, которые объединены единым замыслом и согласованы по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия. Ее цель – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле. Идеальный результат информационной войны заключается в том, что противник добровольно подчиняется воле агрессора, признавая его превосходство и принимая его ценностные ориентиры. Происходит демонтаж сознания социума, которому способствует применяемое информационное оружие.

Заслуживает внимания основательная монография и системный подход ученого В. К. Новикова, понимающего под информационной войной «продолжение политики государства, заключающейся в целенаправленном, комплексном, организованном информационном воздействии на информационные объекты иностранного государства информационным оружием для достижения политических, экономических, территориальных, национальных, религиозных и иных целей с нанесением минимальных потерь живой силе, населению и объектам инфраструктуры противника, без непосредственной оккупации территории и защитой своих информационных объектов» [11, с. 78].

Она ведется постоянно, а ее инструментом является *информационное оружие*, под которым понимаются «средства уничтожения, искажения или хищения информационных массивов, добывания из них необходимой информации после преодоления систем защиты, ограничения или воспреещения доступа к ним законных пользователей, дезорганизации работы технических средств, вывода из строя телекоммуникационных сетей, компьютерных систем, всего высокотехнологического обеспечения жизни общества и функционирования государства» [11, с. 67].

Методология информационной безопасности и информационно-психологического противоборства в контексте современных военных конфликтов и геополитической борьбы представлена в новой монографии известных российских ученых В. И. Анненкова, В. Ф. Моисеева, В. К. Новикова «Информация – ключ к победе в современной войне» [12].

Авторы справедливо отмечают, что в конце XX в. «произошел технологический прорыв в сфере информационных и коммуникационных технологий, обеспечивающих Западу доминирование над своим цивилизационным противником в сфере создания «сверхобщества» по его «превентивно-коррекционно-утилитарным» лекалам» [12, с. 359]. «Холодная война» из войны за передел сфер влияния превратилась «в так называемую «эволюционную войну» – за право определять ход мирового исторического развития на сотни лет вперед» [12, с. 360]. Поэтому идет жесткое и бескомпромиссное противостояние Запада с «эволюционным конкурентом» – Россией, а «цивилизационный выигрыш в случае победы получает победитель» [12, с. 360].

Сегодня мы живем и трудимся в условиях непрекращающейся *консциентальной войны*, в которой объектами поражения являются смыслы и ценностные установки народа, его верования, менталитет, национальные традиции, историческая память, т. е. все то, что отличает одну цивилизацию от другой, превращает ее в коллективную «географическую» личность, способную отстаивать свою уникальную национальную идентичность и историческую миссию даже под страхом полного физического уничтожения [12, с. 360]. Средством ведения консциентальной войны является «организационное» и «информационное» оружие.

Для достижения цели в цивилизационном противостоянии элита Запада использует все ресурсы для создания у противника состояния ужаса (террора). В целях накопления в противоборстве требуемого уровня ужаса инициатор силового воздействия должен применять две базовые организационные технологии:

1) технология «*вареной лягушки*». Суть ее содержит две позиции. Первая заключается в том, что брошенная в кипяток лягушка, как правило, выживает, поскольку способна в кризисной ситуации мгновенно мобилизовать все свои силы и выпрыгнуть из кипящей воды. Вторая состоит в том, что лягушка, помещенная в постепенно нагреваемую воду, никогда не выживает, поскольку по мере нагревания затрачивает все больше и больше усилий на адаптацию, и когда ей становится ясно, что дальнейший рост температуры воды грозит смертью, у нее просто не остается сил, чтобы совершить спасительный прыжок;

2) технология «*свернутой газеты*». Суть технологии состоит в том, что хозяин не должен наказывать щенка своей рукой, для этого следует использовать свернутую газету, поскольку ще-

нок после экзекуции не испытывает негативных чувств к хозяину, державшему в руке газету, а всю свою ненависть за наказание обрушивает на газету, с помощью которой это наказание было произведено [12, с. 365].

Зная механизмы, технологии и возможные сценарии Запада во главе с США по овладению глобальной властью и созданию «сверхобщества» по своим лекалам, а также осознав возможные последствия, мы можем и должны способствовать появлению и укреплению новых мировых центров силы, способных удержать мир от подобного сценария и стремящихся к развитию справедливого и демократичного миропорядка.

Очень четко и емко суть происходящего в рамках системного кризиса мира отмечает ученый А. М. Ильницкий: «Актуальная суть сегодняшней глобальной повестки заключается в том, что инструменты ведения войны и соперничества мирного времени перемещались до степени совмещения, а спектр угроз изменился радикально. Это привело к возникновению нового типа противоборства – ментальной войне, цель которой заключается в уничтожении самосознания, изменении ментальной, цивилизационной основы общества» [13, с. 19].

Разделяем его научно обоснованную позицию и аргументы по ведению ментальной войны против России как на внешнем контуре, так и внутри страны. Безусловно, противостояние в «ментальной войне не менее важно, чем создание и оснащение ВС Российской Федерации новейшими системами ВВСТ» [13, с. 29]. Вне всякого сомнения, если «задача глобалистов во главе с США – устранить Россию как препятствие на пути установления нового мирового порядка» [13, с. 29], то жизненно важная задача противостояния в ментальной войне касается как Беларуси, так и Союзного государства.

Мы полагаем, что сегодня актуализируется новое направление противоборства, основанное на противоречиях субъектов геополитического соперничества, различиях в политико-экономических и социальных установках государств и их объединений, а также в образах жизни народов этих стран, которые обусловлены не только уровнем развития их культуры, но и уровнем развития их науки и мысли, результатами социальной деятельности и творчества субъектов общества.

И если выдающийся ум В. И. Вернадского утверждал, что «биосфера XX столетия превращается в ноосферу, создаваемую прежде всего ростом науки, научного понимания и основанного на ней социального труда человечества» [14, с. 196], то сегодня, используя результаты научного творчества в разрушительных, насильственных и антигуманных целях, человечество под давлением строителей глобальной империи переходит в фазу «*ноосферной войны*», когда разум направлен не на созидание, а на обеспечение подчинения воли целых государств и народов в экономических и корыстных целях воле «глобального хозяина». Необходимы остановка и системный философский анализ того, что в XXI столетии не было ни одного дня без военного насилия. Как отмечал В. И. Вернадский, «мыслящий человек есть мера всему. Он есть огромное планетное явление» [14, с. 233]. Поставим актуальный вопрос: или мы (человечество) перестали думать, или мысли наши в направлении насилия ради обогащения?

Рассматривая неклассические войны, профессор С. М. Иншаков обращает внимание на повышение интеллектуализации насилия и дальнейшее развитие способов подчинения воли противника своей. К числу наиболее активно используемых форм гибридной войны им отнесены: преемственная, информационная, сетевая, кибервойна, экономическая, коррупционная, террористическая, спортивная, темная [15, с. 118]. Это далеко не полный перечень форм неклассического насилия, которые постоянно развиваются.

Итак, цель постоянного мониторинга и анализа любых форм насилия заключается в том, что жизненно важно выявлять потенциальные угрозы национальной безопасности. Стоит также учитывать, что соотношение силовых и несиловых способов борьбы, по мнению начальника Генерального штаба ВС Российской Федерации генерала армии В. В. Герасимова, составляет 1:4 в пользу последних.

В западных подходах к противоборству традиционным является соединение трех терминов – агрессия, война и воля. В англосаксонской традиции война не обязательно связана с применением летального оружия. Западные стратеги следуют постулату известного теоретика военной мысли К. Клаузевица: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить

нашу волю». Грань между миром и войной размыта. От термина «война» они стараются уйти, заменяя ее понятиями: «конфликт», «противоборство», «противостояние» и т. п.

Разделяем позицию члена-корреспондента Академии военных наук А. А. Бартоша, что принципиально важно обратить внимание на теорию и практику противоборства в «серой зоне», понимаемого как состояние социума, которое балансирует между войной и миром. Как отмечает эксперт, «методы, используемые в СЗ, представляют собой уникальные комбинации способов запугивания, принуждения и агрессии, которые поэтапно, шаг за шагом используют для подавления сопротивления, завоевания локальных или региональных преимуществ и манипулирования рисками в свою пользу... СЗ представляет собой новое пространство между традиционными концепциями войны и мира» [16, с. 49].

Заключение. Таким образом, в современном военном насилии существенная роль отводится неклассической войне, которая, используя ограниченное применение военной силы, способна решать стратегические задачи насильственного контроля государств. Это не отменяет значимости и необходимости постоянно совершенствовать военную организацию государства, способную обеспечить оборону и военную безопасность Республики Беларусь в любых условиях [17]. Только с опорой на военную организацию государства и ее ядро – Вооруженные Силы можно обеспечить военную безопасность как в классической, так и неклассической войне.

Учитывая степень возрастания военного насилия в мире, целесообразно закрепить в новой редакции Концепции национальной безопасности приоритетный характер обороны государства [18, с. 94]. Решение проблем, связанных с дальнейшим совершенствованием военной сферы национальной безопасности, ее образовательным, научно-аналитическим и всесторонним обеспечением, является важнейшим приоритетом государственного управления в интересах сохранения и перспектив развития государства, общества и личности.

Список использованных источников

1. Беларусь и Россия утвердили новую Военную доктрину Союзного государства [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/belarus-i-rossija-utverdili-novuju-voennuju-doktrinu-sojuznogo-gosudarstva-467974-2021>. – Дата доступа: 09.01.2022.
2. Бартош, А. А. Гибридная война : учеб. пособие / А. А. Бартош. – М. : КНОРУС, 2021. – 306 с.
3. Мальцев, Л. С. Вооруженные Силы Республики Беларусь: история и современность / Л. С. Мальцев. – Минск : Асобны Дах, 2003. – 245 с.
4. Бартош, А. А. Основы международной безопасности: организация Североатлантического договора – НАТО : курс лекций / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 380 с.
5. Ксенофонтов, В. А. Управление волей человека как цель и важнейший принцип ведения войны / В. А. Ксенофонтов // Тр. БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2020. – № 2 (239). – С. 104–110.
6. Понкин, И. В. Неклассические войны / И. В. Понкин. – М. : ИНФРА-М, 2021. – 87 с.
7. Ксенофонтов, В. А. «Цветная революция» как технология сетцентрической войны / В. А. Ксенофонтов // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2019. – № 1 (62). – С. 3–10.
8. Бузин, Н. Е. Еще раз о сущности «гибридной войны» / Н. Е. Бузин // Наука и воен. безопасность. – 2021. – № 2. – С. 2–6.
9. Панарин, И. Н. Гибридная война: теория и практика / И. Н. Панарин. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 402 с.
10. Манойло, А. В. Информационные войны и психологические операции: руководство к действию / А. В. Манойло. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 496 с.
11. Новиков, В. К. «Дранг нах Остен» – сценарии информационных войн в действии / В. К. Новиков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 344 с.
12. Анненков, В. И. Информация – ключ к победе в современной войне / В. И. Анненков, В. Ф. Моисеев, В. К. Новиков. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 428 с.
13. Ильницкий, А. М. Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
14. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский ; отв. ред.: Б. С. Соколов, А. А. Ярошевский. – М. : Наука, 1989. – 261 с.
15. Иншаков, С. М. Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности / С. М. Иншаков. – М. : РУСАЙНС, 2021. – 306 с.
16. Бартош, А. А. Серая зона: театр гибридной войны / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 308 с.
17. Ксенофонтов, В. А. Военная сфера как основа национальной безопасности / В. А. Ксенофонтов // Проблемы упр. – 2021. – № 3 (81). – С. 102–108.
18. Арчаков, В. Ю. О состоянии национальной безопасности Республики Беларусь на современном этапе / В. Ю. Арчаков, А. Л. Баньковский // Проблемы упр. – 2021. – № 3 (81). – С. 86–97.

References

1. Belarus, Russia approve new Union State military doctrine. *BelTA*. Available at: <https://eng.belta.by/politics/view/belarus-russia-approve-new-union-state-military-doctrine-144744-2021/> (accessed 09.01.2022).
2. Bartosh A. A. *Hybrid warfare*. Moscow, KNORUS Publ., 2021. 306 p. (in Russian).
3. Mal'tsev L. S. *The Armed Forces of the Republic of Belarus: history and modernity*. Minsk, Asobny dakh Publ., 2003. 245 p. (in Russian).
4. Bartosh A. A. *Basics of international security: The North Atlantic Treaty Organization – NATO*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 380 p. (in Russian).
5. Ksenofontov V. A. Managing the will of man as a goal and an important principle of warfare. *Trudy BGTU. Seriya 6, Istoriya, filosofiya = Proceedings of BSTU. Issue 6. History, Philosophy*, 2020, no. 2 (239), pp. 104–110 (in Russian).
6. Ponkin I. V. *Non-classical wars*. Moscow, INFRA-M Publ., 2021. 87 p. (in Russian).
7. Ksenofontov V. A. “Colorful revolution” as a technology of network-centric warfare. *Vestnik VoЕННОI akademii Respubliki Belarus'* [Bulletin Military Academy of the Republic of Belarus], 2019, no. 1 (62), pp. 3–10 (in Russian).
8. Buzin N. E. Once again about the essence of “hybrid warfare”. *Nauka i voennaya bezopasnost' = Science and Military Security*, 2021, no. 2, pp. 2–6 (in Russian).
9. Panarin I. N. *Hybrid war: theory and practice*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 402 p. (in Russian).
10. Manoilo A. V. *Information wars and psychological operations: guide to action*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 496 p. (in Russian).
11. Novikov V. K. “*Drang nach Osten*” – scenarios of information wars in action. 2nd ed. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 344 p. (in Russian).
12. Annenkov V. I., Moiseev V. F., Novikov V. K. *Information – the key to victory in modern war*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 428 p. (in Russian).
13. Ilnitsky A. M. Mental warfare of Russia. *Voennaya mysl'*, 2021, no. 8, pp. 19–33 (in Russian).
14. Vernadskii V. I. *Biosphere and noosphere*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 261 p. (in Russian).
15. Inshakov S. M. *Hybrid war in the system of military threats to national security*. Moscow, RUSAINS Publ., 2021. 306 p. (in Russian).
16. Bartosh A. A. *Gray zone: theater of hybrid war*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 308 p. (in Russian).
17. Ksenofontov V. A. Military sphere as the basis of national security. *Problemy upravleniya* [Problems of Management], 2021, no. 3 (81), pp. 102–108 (in Russian).
18. Archakov V. Yu., Bankovsky A. L. On the state of national security of the Republic of Belarus at the present stage. *Problemy upravleniya* [Problems of Management], 2021, no. 3 (81), pp. 86–97 (in Russian).

Информация об авторе

Ксенофонтов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (пр. Независимости, 220, 220057, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Vladislav A. Ksenofontov – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220 Nezavisimosti Ave., 220057 Minsk, Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com